

4. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки / Б. К. Зайцев. – М. : Русская книга. – Т. 5. – 1999. – 544 с.
5. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е / подгот. текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд. – М. : Худож. лит., 1983. – 557 с.
6. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>. – Дата доступа: 22.03.2023.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т.; С. А. Токарев (гл. ред.). – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. К–Я. – 719 с.
8. Одоевский, В. Ф. Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский. – М. : Худож. лит., 1988. – 382 с.
9. Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева (1840 – 1883 гг.). – С.-Петербургъ: типографія М. М. Стасюлевича, 1884. – 564 с.
10. Топоров, В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В. Н. Топоров. – М. : Российск. гос. гуманит.ун-т, 1998. – 192 с.
11. Тургенев, И. С. Дым, Новь; Вешние воды; Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит, 1981. – 608 с.
12. Тургенев, И. С. Собрание сочинений: в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1954. – 464 с.
13. Х. Ниббриг, Кристиаан Л. Эстетика смерти / Л. Кристиаан Х. Ниббриг. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 424 с.
14. Хализев, В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев.— 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.
15. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. Королев [и др.]. – М. : Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 528 с.

ТВОРЧЕСТВО В. М. ГАРШИНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

А. И. Нестер

*Белорусский государственный университет,
г. Минск*

*Научный руководитель – Л. Л. Авдейчик,
кандидат филологических наук, доцент*

Аннотация. Статья посвящена определению роли творческого наследия В. М. Гаршина в дискурсе литературного процесса 70-80-х годов XIX века как всемирного, так и русского. Реконструируется сложная система рецепций и

взаимовлияний, восстанавливаются прямые и опосредованные связи с соотечественниками и зарубежными деятелями искусства. В подтверждение выдвигаемых тезисов приводятся документальные фактические источники: фрагменты из писем, мемуары, исторические и биографические данные.

Ключевые слова: В. М. Гаршин; литературная традиция; творческое влияние; литературный дискурс; историко-литературный процесс.

Для литературного процесса в его динамике особенно актуально широко известное латинское изречение: «*Ex nihilo nihil fit*». Автор и художественный текст всегда включены в сложную перцептивную систему взаимоотношений, интегрированный полилог. Однако оказать существенное влияние на конъюнктуру, изменить вектор развития – привилегия, доступная лишь самым талантливым и исключительным деятелям искусства.

Всеволод Михайлович Гаршин – фигура яркая, многоплановая, человек своей эпохи, писатель, поэт и критик, обладающий безусловным «талантом человечности» и, увы, рано и трагически ушедший, не успевший реализовать свой потенциал. Однако то, что воплотилось в его прозаическом наследии, выкристаллизовалось из идей предшественников и переосмыслилось в произведениях последователей, осталось с нами навсегда.

Раннее детство Всеволода Михайловича омрачила семейная драма. Его мать ушла из семьи к домашнему учителю П. В. Завадскому, революционеру, впоследствии сосланному за свою деятельность в Петрозаводск. Екатерина Степановна переехала в Петербург вместе со старшими сыновьями, Всеволод же остался жить с отцом. К пяти годам он научился читать. В постоянных разъездах по деревням и губернским городам верными товарищами и спутниками мальчика были произведения таких выдающихся авторов, как Г. Бичер-Стоу, В. Гюго, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Н. Г. Чернышевский. Именно этот сложный и неоднозначный период пробудил в юном Гаршине интерес к искусству слова. Безусловно, влияние мировой классики ощущалось затем и в творчестве Гаршина. Тем не менее, позднее писатель откровенно признавал, что чрезмерно раннее знакомство с такой серьёзной литературой оказало скорее негативное влияние на его еще не до конца окрепшую психику. Сложившаяся же ситуация в целом, вероятнее всего, стала спусковым крючком для развития душевной болезни.

Тяжелый недуг, мучивший писателя всю жизнь – шизоаффективный психоз, в современной медицине именуемый биполярным аффективным расстройством. Болезнь сопровождается сменяющимися друг друга маниакальными и депрессивными фазами. Тем же недугом, к слову, страдал родившийся почти на полвека раньше американский писатель Э. А. По [1]. В их художественных методах можно проследить определённые пересечения. Оба активно обращались к жанру новеллы, раскрывали в своих произведениях тему

безумия, совмещали реалистическое (даже натуралистическое) с символическим, стремились к передаче эффекта, ощущения, интенции через текст, семантически наполняя краткую динамичную форму, передавая ужас воспалённого сознания. Чем-то схожи и их судьбы, на которые наложила тяжёлый отпечаток психическая нестабильность. Мрачная поэтика По повлияет на старших символистов, болезненное мироощущение которых во многом предвосхитил, в свою очередь, Гаршин.

Писатель тесно общался с художниками-передвижниками, разделяя их представление о миссии искусства, его социально-психологической подоплёке, и высоко оценивая реалистический художественный метод. Особенно ему импонировал И. Е. Репин, который, в свою очередь, увековечил образ писателя в картинах «Иоанн Грозный и его сын Иван» (1883) и «Не ждали» (1884), а также в нескольких этюдах и портретах. Однажды художник спросил, почему Гаршин не напишет большого романа, чтобы войти в историю русской литературы как крупный писатель. Ответ его искренне поразил: «Видите ли, Илья Ефимович, – сказал ангельски кротко Гаршин, – есть в библии «Книга пророка Аггея». Эта книга занимает всего вот этакую страничку! И это есть книга!» [4, 496–497].

Активно переписывался Гаршин с И. С. Тургеневым, который, высоко оценил первую книгу рассказов писателя: «Изо всех наших молодых писателей – вы тот, который возбуждает большие надежды. У вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни – человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы и, как результат всего, – оригинальность» [5, с. 71–72]. Иван Сергеевич комментировал в письмах все произведения автора, делился собственными интерпретациями и давал ценные рекомендации. Лето 1882 года Гаршин даже провёл в Спасском-Лутовинове, однако сам Тургенев, в силу проблем со здоровьем, отсутствовал. В имении Гаршин гостил с семьёй поэта Я. П. Полонского, который потом напишет о нём проникновенные строки:

Не веря собственным крылам,
Сквозь стёкла потемневших рам,
Сквозь дымку чадных испарений
Напрасно к свету рвется гений,
К полям, к дубровам, к небесам... [4, 384]

Кончина Тургенева в 1883 году произвела на Гаршина сильное впечатление. Памяти писателя посвящено стихотворение-манифест «Остановилась кровь поэта...» («Поэта кроткое сиянье / Живёт в словах его живых») и рассказ «Красный цветок» – программное произведение автора о безумце, стремившемся спасти мир путём самопожертвования.

Некоторое время Гаршин занимался переводческой деятельностью. Благодаря ему появились русские варианты нескольких сказок Кармен Сильвы и Уйды. Интересно рассмотреть переводную «Честолюбивую розу» (1882) Уйды

и авторскую «Attalea princeps» (1880) в их смысловом противопоставлении. Роза мечтала попасть в неволю, грезилась об оранжерее королевского дворца. Фантазия героини воплощается в реальность, однако итог печален: прекрасный цветок одну ночь проводит в роскоши, на королевском балу, а затем погибает на свалке. Пальма из «Attalea princeps», напротив, стремится выбраться из-под гнёта ограничений, несвободы, однако разочаровывается после сложного пути преодоления и борьбы, финал её тоже трагичен, однако эта история трогает читателя, вызывает сочувствие. В 1884 году выходит «Сказка о жабе и розе» Гаршина, которую, несмотря на декадентские и экзистенциальные мотивы и общую трагичность, часто включают в ряд произведений для детского чтения. Здесь флористический образ розы трактуется уже совсем по-другому: цветок погибает вместе с обречённым мальчиком, параллельно отстаивая свою гордую красоту. В сказке отчётливо ощущается влияние выдающегося датского писателя Г. Х. Андерсена, талант которого Гаршин считал равным Ч. Диккенсу.

Несомненно воздействие на Гаршина Льва Николаевича Толстого, крупнейшего романиста русской литературы XIX века. Толстой был для Гаршина наставником, его фигура в какой-то мере олицетворяла и отеческое начало. Гаршин встречался с Толстым (и встреча оказала на обоих сильное впечатление), от старшего писателя перенял и интерес к народной сказовой форме, наиболее ярко воплощённой в произведениях «То, чего не было» (1882), «Сказание о гордом Аггее» (1886), «Сигнал» (1887). Идеи пацифизма, антимилитаризма и непротивления злу насилуем нашли отражение в некоторых рассказах военной тематики («Трус» (1878), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882)). Толстой читал всё, что печатал Гаршин, а в 1883 году в беседе с Г. А. Русановым выразил восхищение такими рассказами, как «Художники» (1879), «Ночь» (1880). Он считал Гаршина талантливым писателем, ставил его в один ряд с А. П. Чеховым по степени одарённости.

С Антоном Павловичем Гаршин лично знаком не был, однако относились они друг к другу с большим пиететом. Именно Гаршин ввёл в русскую литературу жанр новеллы, который затем активно развивал и доводил до совершенства Чехов. Всеволод Михайлович даже считал его своим преемником. На одной из вечеринок художника Николая Ярошенко у Гаршина произошёл небольшой конфликт с Николаем Михайловским. Последний не разделял восторгов по поводу только что появившейся в печати чеховской «Степи» (1888), и Гаршин обратился к нему со словами: «Вот вы, Николай Константинович, возлагали на меня большие надежды. Я их не оправдал, и все же могу спокойно умереть, так как их вполне оправдывает другой – Антон Чехов» [6, с. 143].

15 сентября Чехов написал Плещееву, который занимался сборником «Памяти В. М. Гаршина»: «Не дать рассказа – не хочется, потому что, во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни

своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих, отказаться от участия в сборнике значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински» [7, с. 331]. Писатель создал рассказ «Припадок» о молодом человеке «гаршинской закваски, недюжинном, честном и глубоко чутком», который впервые попадает в дом терпимости. Освещая столь сложную социальную проблему через художественный текст, Чехов увековечил образ Гаришна в центральном персонаже, Васильеве, подчеркнута чувствительность к чужому страданию, несправедливости.

О влиянии гаршинской традиции на творчество последователей можно говорить и в отношении Л. Н. Андреева. И. Е. Репин упоминал даже о внешнем сходстве писателей, однако им всё не ограничивается. Пересекаются они и в выборе освещаемых тем, объектов отражения (война, безумие, экзистенция, пограничные состояния человека, соотношение жизни и смерти). Тексты Андреева стилистически разнообразнее (синтез реализма, неореализма, экспрессионизма и натурализма) и характеризуются аксиологической имморальностью, в то время как в прозе Гаршина очевидны определенные ценностные доминанты. Тем не менее, некоторые особенности художественного метода Андреева переняты именно от новеллиста-предшественника.

Отметим также, что в честь Всеволода Михайловича выбрал себе имя при крещении русский и советский театральный режиссёр, актёр и педагог, теоретик и практик театрального гротеска Всеволод Эмильевич Мейерхольд (имя при рождении Карл Теодор Казимир Мейергольд) в 1895 году, чем подчеркнул покровительство, желание благословения на плодотворное творчество от любимого писателя [2, с. 39].

Многие современники высоко оценивали творчество Гаршина, любили его за кроткий нрав, наивность и незлобивость. Его трагическая смерть не могла остаться незамеченной в среде современной творческой интеллигенции. Сборник «Памяти В. М. Гаршина» (1889), уже упомянутый ранее, стал материализацией глубокой скорби и данью уважения «Гамлету сердца», как называли писателя, подчеркивая тем самым особую ранимость, амплитудность его душевных порывов. Приведём несколько фрагментов из стихотворений, помещённых в сборник.

А. Н. Плещеев, «На похоронах Всеволода Гаршина»:

Любви и всепрощения родник
Неиссякаемый в груди твоей таился.
Любовью все твои созданья дышат,
Глубокою любовью к человеку... [3, с. 74].

Д. С. Мережковский, «Смерть Всеволода Гаршина»:

Зачем так много сил дала ему природа?
Ведь с чуткой совестью и страстной душой
Нельзя привыкнуть жить меж нас во тьме глухой...

И он страдал всю жизнь, не находя исхода,
Истерзан внутренней, незримою борьбой [3, с. 75-76].

Оба произведения подчёркивают испуительный, мессианский характер дарования Гаршина. Его всеобъемлющее человеколюбие, исповедальная искренность вкупе с глубокой жертвенной трагичностью, фатальностью, безусловно, оставляют неизгладимое впечатление. И сейчас, спустя почти полтора столетия после безвременной кончины писателя, погружаясь в его многослойные, объёмные художественные миры, чуткий читатель переживает катарсис, на мгновение умирая и вновь возвращаясь к жизни, но уже не такими, как прежде.

Таким образом, творчество В. М. Гаршина стало воплощением господствующих литературных тенденций, аккумулируя в себе наиболее ценное и важное из традиций, генерируя и внедряя назревавшие художественно-изобразительные новшества на формальном и содержательном уровнях, воплощая представления о честном, чувствительном, как оголенный нерв, идейном и предельно откровенном творце. Гаршин был не только одарённым писателем, но отражением совести целого народа, что искусно отразил Н. М. Минский в своём стихотворении «Над могилой В. Гаршина» (1888):

Чья совесть глубже всех за нашу ложь болела,
Те дольше не могли меж нами жизнь влечить,
А мы живем во тьме, и тьма нас одолела...
Без вас нам тяжело, без вас нам стыдно жить! [4, с. 384]

Библиографический список:

1. Бологов, П. В. Эдгар По и Всеволод Гаршин: одна болезнь, одна судьба. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychiatry.ru/stat/130> (Дата обращения: 25.03.2023).
2. Елагин, Ю. Б. Всеволод Мейерхольд. Темный Гений. – М. : Вагриус, 1998. – 342 с.
3. Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборник / Типография и фототипия В. И. Шткан. – С-Петербург, 1889 г. – 203 с.
4. Полонский, Я. П. Стихотворения и поэмы / ред. М. Поляков. – Ленинград, 1954 – 548 с.
5. Репин, И. Е. Далёкое близкое / И. Е. Репин. – М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2018 – 599 с.
6. Фидлер, Ф. Ф. Всеволод Михайлович Гаршин // Современники о В. М. Гаршине вст. ст., подг. текста и примеч. Г. Ф. Самосюк. – Издательство Саратовского университета, Саратов, 1977. – 288 с.
7. Чехов, А. П. Письмо А.Н. Плещееву, от 15 сентября 1888 г., Москва // ПСС–П2.